

УДК 821.161.1.09-3+340.13

О РОЛИ ПРАВА В РАССКАЗАХ А. П. ЧЕХОВА

В. А. Жаров

Тверской государственной университет
кафедра филологических основ издательского дела и литературного творчества

Статья рассматривает отражение норм позитивного права Российской империи в рассказах А. П. Чехова.

Ключевые слова: А. П. Чехов, гражданское право, уголовное право, административное право, семейное право.

Как позитивное, так и естественное право является неотъемлемой частью многих произведений А. П. Чехова, выступая в различных ипостасях: оно может быть частной деталью и развернутым фрагментом, движущей силой сюжета; может являться оттеночным штрихом и основой, базисом, без которого само произведение могло бы просто не состояться. Вспомним «Вишневый сад»; дамокловым мечом и направляющим вектором развития сюжета является одно из положений гражданского права того времени: сад заложен. Не будь этого юридического факта, сюжет развивался бы на основе совсем других данностей.

В настоящей статье рассматривается отражение реалий позитивного права Российской империи в рассказах А. П. Чехова.

Иногда эти реалии проскальзывают крошечным фрагментом, словом или словосочетанием, фиксируя внимание читателя на себе или гротескно подчеркивая ситуацию, например: «Такая тоска, что судебному приставу рад будешь» [4, с. 404] («Последняя могижанша»). «Посвяти он мне эти стихи, я бы на него мировому подал!» [Там же, с. 263] – читаем в рассказе «О женщины, женщины!» Под «мировым» подразумевается мировой судья, – согласно «Уставу о наказаниях, налагаемых мировыми судьями», он был вправе рассматривать иски о возмещении вреда, если ущерб не превышал 500 рублей, «а также мелких уголовных дел по искам, наказание по которым не превышало трех месяцев тюремного заключения или 300 руб. штрафа» [2, с. 289]. Вряд ли суд принял бы обоснование иска, предоставленное героем рассказа: «В одном стихотворении пять раз слово “стремглав”! А рифма!», – но сам факт упоминания мирового судьи свидетельствует, что читателям Чехова этот институт явно знаком. Мировой судья – частый гость страниц Чехова, ср.: «...великий изобретатель неоднократно был привлекаем в качестве обвиняемого в камеру мирового судьи» [4, с. 279–280] («Жизнеописания достопримечательных современников»); «А ежели я вру, так пушай мировой рассудит» [Там же, с. 309] («Хамелеон»); «Два друга, мировой судья Полуехтов и полковник генерального штаба Финтифлеев...» [Там же, с. 328] («О драме»); «Ваше высочородие, господин мировой судья!» [Там же, с. 472] («Унтер Пришибеев»). Из уст персонажа, волостного старшины Аляпова, мы узнаем, что указанные выше правомочия мирового судьи не являются секретом для населения: «Мировой... дальше своих пределов ничего обозначить не может. Только малые дела ему подсудны» [Там же, с. 474].

Рассказ «Гость» начинается так: «У частного поверенного...» [Там же, с. 456]. Современник Чехова мог представить себе, о ком идет речь, но уже поч-

ти век это понятие нуждается в разъяснении. Реформа системы юстиции 1864 года предусматривала создание адвокатуры, представленной присяжными и частными поверенными; последние допускались к ведению только гражданских дел.

Порой правовые реалии даются парой строк, рисуя внешне частные детали, но являясь одновременно отправной точкой развития событий: так, начало рассказа «Петров день» фиксирует временные рамки сюжета, обусловленные административным правом того времени: «...29-е июня <...> день, в который господину уряднику, запрещающему стрелять, можно показать двадцать кукишей» [Там же, с. 28], – с этого дня разрешалось охотиться.

Вне норм права своего времени многие рассказы Чехова не могли быть созданы: «Злоумышленник» основан на расследовании уголовного преступления, причем в тексте рассказа указана конкретная «1081-я статья уложения о наказаниях» [Там же, с. 454]. Рассказ «За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь» базируется на нормах семейного права: волостной писарь Иван Павлович (должность, подразумевающая определенный уровень юридических знаний) демонстрирует дремучее невежество в правоведении: соблазненный посулами тонушей майорши («Если меня спасешь, то я выйду за тебя замуж!») и майора («Женюсь на твоей сестре Марье...»), решает спасти обоих («С двоих получать лучше, чем с одного» [Там же, с. 19]), совершенно не принимая во внимание тот факт, что спасенные супруги никак не могли исполнить обещанного: двоеженство запрещалось и преследовалось в уголовном порядке. Именно это положение закона является завязкой рассказа «Ночь перед судом (рассказ подсудимого)»: «Ехал я в С-й окружной суд, где должен был сесть на скамью подсудимых за двоеженство» [Там же, с. 345]. Еще одно принципиальное положение семейного права – «Муж считался главой семьи, и жена должна была во всем ему подчиняться...» [Там же, с. 304] – находит диаметрально противоположное отражение в разных произведениях. Рассказ «Необходимое предисловие» в манере, близкой к притче, рисует начальное становление власти мужа: «Я прошу и... требую!» – только что венчанный супруг понуждает свою половину дернуть его за бороду. После исполнения его желания «муж берет жену за несколько волосков, что около виска, и сильно дергает. Жена громко взвизгивает» [Там же, с. 443], после чего следует нотация главы новой ячейки общества: «...я во много раз сильнее и выносливее тебя. Это тебе необходимо знать на случай, если когда-нибудь в будущем полезешь на меня с кулаками или пообещаешь выцарапать мне глаза... Одним словом, жена да убьется мужа своего!» [Там же, с. 444]. Завершающая рассказ фраза апеллирует к Библии (Еф. 5: 22), напоминая читателю, что в то время семейное законодательство Российской империи носило сугубо церковный характер и регулировалось вероисповедальными нормами. Впрочем, данные примеры основанного на законе доминирования супруга в семье немногочисленны, в большинстве рассказов Чехова не номинальным, а действительным главой семьи является женщина, готовая утверждать свою власть силой. В том же рассказе «За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь» майор Щелколов, обиженный словами жены, пытается найти обоснование попытке проучить супругу с помощью плетки ссылками на других мужей («Колотишь ли ты свою жену или нет?») [Там же, с. 16], но при всем желании воспользоваться законным правом сильного майор терпит фиаско: «Не успела майорша воспользоваться вырванной из рук супруга плетью...» [Там же, с. 18] – что в дальнейшем и приводит к попытке волостного писаря спасти супругов. Рассказ «Мститель» основан на провозглашенном героем факте «Семейные основы поруганы, честь затоптана в грязь...» [Там же, с. 660], но обманутый муж не ищет основанного на законе выхода из ситуации, по-

сколько церковный брак допускал только очень сложную и длительную процедуру развода через епархиальный суд и Святейший Синод. Сигаев даже не задумывается о разводе и намеревается мстить, но он далеко не уверен в благоприятном для себя исходе судебного процесса, тем более что приказчик оружейного магазина приводит показательный пример: офицера, убившего любовника, «конечно, обвинят и сошлют на каторжные работы» [Там же, с. 663] по той причине, что «суд всегда бывает на стороне любовника» [Там же, с. 664].

Рассказ «Экзамен» («Из беседы двух очень умных людей») основан на одном из положений гражданского права, ср.: «На днях явился в кабинет отца старший сын и заявил ему, что он желает выйти из-под его опеки и самостоятельно вступить в свет. Заявление это он мотивировал своим недавно наступившим совершеннолетием (ему исполнилось ровно 21 год)» [Там же, с. 238].

Представления о праве в рассказах Чехова могут строиться не только на нормативно-правовой базе, но и на персонифицированной отсылке: «Прочность и постоянство законов природы заключаются в том, что их не может обойти ни один адвокат (кроме Лохвицкого, конечно)» [Там же, с. 281] («Плоды долгих размышлений»). Речь идет об Александре Владимировиче Лохвицком, докторе права и одном из известнейших московских адвокатов своего времени, прославившемся в качестве присяжного поверенного в уголовных процессах.

Рассказ «Юристка», при внешней трагикомичности, отсылает к одной из важнейших юридических проблем – к проблеме выбора средств воздействия для действенности закона. Героиня рассказа, «дочь одного европейского министра юстиции», первоначально уповает только на карающую силу закона, на репрессии: запреты, штрафы, тюремное заключение, лишение «некоторых особенных прав и преимуществ <...> тридцать горячих <...> смертная казнь через расстреляние <...> пожизненное одиночное тюремное заключение» [Там же, с. 229–230]. Но в финале, очевидно, убедившись в неэффективности сугубо карательной политики, героиня переходит от кнута к прянику: «Сходи к министру финансов и попроси его ассигновать сумму для выдачи ежегодных премий холостякам, намеревающимся жениться» [Там же, с. 230].

В рассказах Чехова можно найти и упоминание положений наследственного права: «хорошенькая дамочка» в рассказе «Загадочная натура» говорит, что старик муж после смерти «оставил кое-что» [Там же, с. 154], «его превосходительство» Алексей Иванович Козулин в рассказе «Торжество победителя (рассказ отставного коллежского регистратора)» упоминает о просьбе своей матери тогдашнему начальству отпустить сына «наследство делить» [Там же, с. 146].

Нельзя не упомянуть очевидный промах Чехова, свидетельствующий об определенных пробелах в его юридических знаниях: в одном из рассказов цикла «Ряженые» смешиваются понятия гражданского и уголовного судопроизводства: «На суде адвокат защищает подсудимую...» [Там же, с. 129]. Если «адвокат» достаточно расплывчатое понятие, встречающееся и в гражданском процессе, хотя при-суще прежде всего уголовной юриспруденции, то «подсудимый» относится к понятиям сугубо уголовного суда. Во фразах «Дай мне истец сотней больше, и я упек бы ее» и «В роли обвинителя я был бы эффективней!» [Там же] явно смешиваются разнородные понятия: «истец» относится к стороне сугубо гражданского судопроизводства, «обвинитель» – уголовного. Хотя в праве существует понятие «гражданский иск в уголовном процессе», но и оно не объясняет возникшего противоречия. В роли обвинителя может выступать только представитель государства, и в других

рассказах Чехова это прослеживается с достаточной четкостью («Обвинял товарищ прокурора» («Случай из судебной практики») [Там же, с. 150]), роль адвоката – быть защитником («Защитал же знаменитейший и популярнейший адвокат» [Там же]). Разумеется, фраза адвоката «В роли обвинителя я был бы эффективней!» предполагает гипотетичность, «сослагательность», определенный выход за рамки статус-кво; можно рассматривать эту фразу как предположение, что могло бы быть, если бы адвокат был обвинителем, но предшествующая фраза «Дай мне истец сотней больше...» [Там же, с. 150] – свидетельство того, что адвокат не собирается изменять своим профессиональным привычкам (прокурор не может брать гонорар за выполнение своих профессиональных обязанностей). Показательно, что в рассказе «Беседа пьяного с трезвым чертом» дается иносказательная, но недвусмысленная оценка институту адвокатуры: «...отставные черти, поступившие в люди <...> Одни из них занимаются адвокатурой...» [Там же, с. 576].

Впрочем, указанное несоответствие в рассказах Чехова – единичное. Писатель достаточно детально разбирался в нормах права своего времени. В рассказе «Унтер Пришибеев» мировой судья рассматривает дело об оскорблении «словами и действием» должностных лиц и «шестерых крестьян» [Там же, с. 471–472]. Обратим внимание: в рассказе не упоминаются ни прокурор, ни присяжный поверенный – адвокат, так как институт мирового суда, представляя собой упрощенную форму судопроизводства, не предусматривал их участия в процессе. «Случай из судебной практики» рисует сцену заседания окружного суда, и в судебном разбирательстве по обвинению в «краже со взломом, мошенничестве и проживательстве по чужому виду» [Там же, с. 150] участвуют «знаменитейший и популярнейший адвокат» и товарищ прокурора. В рассказе «О драме (сценка)» мировой судья Полуехтов упоминает вынесение приговора «по внутреннему убеждению» [Там же, с. 239], – важное положение процессуальной реформы: «Отменялась и формальная теория доказательств. Взамен водился принцип свободной оценки при определении вины или невинности подсудимых по внутреннему убеждению судей...» [2, с. 307].

Название рассказа «Клевета», казалось бы, напрямую отсылает к статье уголовного права того времени. Но Чехов использует внешние, формальные и несущественные признаки данного преступления, которое к тому же не произошло, для создания типично чеховской парадоксально-гротескной ситуации, когда «уголовное» название рассказа выступает не более чем прием, интригующий читателя.

Подобный – но не аналогичный – прием обнаруживается в рассказе «Ушла»: «Муж приподнялся, подпер голову кулаками и прочел целый обвинительный акт. Подойдя к письменному столу, он показал жене несколько вещественных доказательств...» [4, с. 136]. Опять юридическая терминология служит лишь декорацией, антуражем, иронией, интригующе-знакомым понятием, не несущим никакой правовой нагрузки. «Шведская спичка (уголовный рассказ)» представляет собой прежде всего картину нравов, социальное бытописание, скомпонованное по законам детектива, но являющееся пародией на него. Некоторые рассказы Чехова оформлены как нормативно-правовые акты, например, «Масленичные правила дисциплины» и «Дачные правила» разбиты на параграфы, в них упоминаются должностные лица: городовые, участковые приставы. Если ранее пародировалось содержание, то теперь пародируется форма.

Рассказ «Умный дворник» отсылает к реалиям современного Чехову административного («полицейского») права: дворнику Филиппу снится, что он «...идет в участок, чтобы прописать жильцов» [Там же, с. 149], за сон «на часах» помощник

участкового пристава грозитя оштрафовать Филиппа, а «через два часа дворника потребовали в участок» [Там же, с. 150]. Современник Чехова не удивится знакомым реалиям правового положения дворников в царской России, но уже во второй половине XX века эти реалии были мало знакомы читателю, он не фиксирует внимание на том, что дворник держит в руках «шапку с бляхой» [Там же, с. 148] – символ статуса в административной иерархии, теряется в догадках, почему помощник участкового пристава (кто такой?) грозит штрафом дворнику и за что дворника требуют в участок. «Дворник Евсей подходит к моему окну и подозрительно посматривает на мое писание. В его душу я заронил сомнение. Спешу потушить лампу» [Там же, с. 323] («И прекрасное должно иметь пределы»). Указанная спешка не вызвала бы удивления у знакомого с правовой нормой того времени: одним из составов государственных преступлений – вторых по значимости после преступлений против церкви – было «распространение сочинений, возбуждающих к восстанию против верховной власти...» [Там же, с. 306]. В той или иной степени боязнь обвинения в бунте против верховной власти преследует многих героев Чехова, ср. в «Мстителе»: «Приказчик оглянулся и прошептал: “А кто виноват, мсье? Правительство!”» [Там же, с. 664]. Обратим внимание, что приказчик боится говорить в голос, и боязнь эта небеспричинна. Унтер Пришибеев в одноименном рассказе задает риторический вопрос: «Да ты знаешь, говорю, куда за такие политические слова тебя угнать может господин мировой судья?» [Там же, с. 474].

Таким образом, являясь прежде всего художником человеческих душ, исследователем нравов общества, А.П. Чехов для глубины образа, для точности рисунка опирался и на правовые нормы своего времени, относясь к закону как «к сугубо социальному по происхождению явлению» [1, с. 99], преследуя цель показать всю «противоречивость и конфликтность внутреннего мира современного русского человека» [3, с. 201].

Список литературы

1. Гусев А. А. Историко-философская эволюция представлений о власти // Годичные научные чтения филиала РГСУ в г. Клину: сб. трудов. Вып. 2(12). Тверь: Твер. гос. ун-т, 2014. с. 94-110.
2. Лаптева Л. Е., Медведев В. В., Пахалов М. Ю. История отечественного государства и права. М.: Юрайт, 2011. 634 с.
3. Николаева С. Ю. Древнерусские памятники в литературном процессе (от Г. Р. Державина до Ю. П. Кузнецова): монография. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2010. 252 с.
4. Чехов А. П. Сочинения: в 3 т. Т. 1 Рассказы. СПб.: Золотой век, 1998. 668 с.

ABOUT THE ROLE OF THE LAW IN ANTON CHEKHOV'S STORIES

V. A. Zharov

Tver State University

the Department of philological basics of publishing and literary creation

The article examines the norms of the positive law of the Russian Empire in the stories of Anton Chekhov.

Keywords: *Chekhov, civil law, criminal law, administrative law, family law.*

Об авторе:

ЖАРОВ Владимир Алексеевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: foidid-red@rambler.ru.

About the author:

ZHAROV Vladimir Alekseevich – candidate of Philology, associate Professor of the Department of philological basics of publishing and literary creation, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: foidid-red@rambler.ru.